

Глава 12

Обманщик

Воздушная волна, поднятая крыльями Ветрохода, была столь мощной, что заставила людей зажмуриться. Глядя на ликующих внизу наталинцев, Айзелла величественно сложила крылья, готовясь к посадке, как вдруг почувствовала, что её хвостовой плавник кто-то бесцеремонно дернул.

Драконница подскочила от неожиданности. Прямо в воздухе, изогнувшись в немыслимой позе, она яростно обернулась, пытаясь вцепиться зубами в невидимого врага, посмеявшегося атаковать её с тыла, но челюсти лишь бессильно щелкнули, поймав пустоту. Прищурившись, она принялась внимательно изучать помеху и вскоре обнаружила, что кончик её хвоста запутался в сетке из стальной проволоки. Подбадриваемая криками людей, она несколько раз с силой дернула плавником и с торжеством заметила, как опорные столбы, удерживавшие сеть, ощутимо накренились. Айзелла уже приготовилась вырвать странную конструкцию с корнем, как вдруг получила увесистый шлепок по макушке и услышала холодный, лишенный тени сочувствия голос хозяина:

— Распутывай сама. И поаккуратнее. Если хоть что-то сломаешь — месяц не буду тебя вычесывать.

Обиженная и глубоко оскорбленная в своих лучших чувствах рептилия замерла в немом недоумении.

«???»

В следующее мгновение наталинцы стали свидетелями странного зрелища: огромная белая драконница, подобно гигантской летучей мыши, повисла в воздухе, смешно извиваясь и по-собачьи кряхтя. Она осторожно, по миллиметру, выкусывала ячеи сети, в которых застрял её хвост, издавая при этом жалобное, тонкое воркование.

«Дракон послушный, дракон хороший... Человек угрожает, человек злой... Тьфу! Какая гадость эта чешуя, фу, противно!»

Наталинцы один за другим склонялись в почтительном поклоне. Избранный богом стоял в лучах полуденного солнца; его золотые волосы, мягко рассыпавшиеся по плечам, сияли ослепительным блеском. Коралловые бусины в ушах алели, словно свежая кровь, а бирюза отливала глубокой зеленью — в этот миг все краски мира казались невероятно яркими и чистыми. Обладая какой-нибудь мастер кисти талантом запечатлеть это мгновение, он наверняка смог бы стать верховным жрецом сразу нескольких божеств, лишь благодаря одному этому портрету.

Нова некоторое время наблюдал за этой сценой, а затем медленно нахмурился.

Тем временем Айзелле всё же удалось высвободить хвост, не разрушив конструкцию окончательно. Приземлившись, она виновато покосилась на перекошенный столб и бочком, попартизански, прикрыла его своим задом, надеясь утаить содеянное от взора хозяина. Азука одарил её мимолетным насмешливым взглядом, но придираться не стал.

— Избранный богом, да пребудет Утоска защитником вашей судьбы и души, — произнес один из наталинцев, выступая из толпы. Радостное оживление мгновенно угасло. — Мы жаждем знать: всё ли в порядке со Стеной Вздохов?

Окрестности Стены по праву считались гиблым местом; среди всех крылатых существ, способных нести на себе всадника, лишь Ветроход мог беспрепятственно проникать туда и возвращаться обратно.

— Мой соплеменник, — ответил юноша странным, торжественным и исполненным ритма голосом, — вздохи, рожденные Дитя Урагана, не властны над бегом времени. Шторм стихает, и лишь яростная Колесница Судьбы да потомки Рамодоры станут впредь оберегать народ ветра.

В этих словах Нова мгновенно узнал специфический профессиональный жаргон: Дитя Урагана — это явно король Корентин, Колесница Судьбы — аллегория на волны и бури, поднимаемые богом морей Одрейсом, а Рамодора — легендарная прародительница всех монстров и первый дракон в мире, впоследствии усмиренный богом-прародителем Амброузом.

Вероятно, ради сохранения монополии на трактовку священных текстов, на континенте Амброуз служители любого культа обожали использовать в божественных жизнеописаниях самые невообразимые и запутанные иносказания.

Это превращало жизнь рядовых жрецов и клириков в сущий ад: количество эпитетов, относящихся к божествам, зашкаливало. У одного только бога света их насчитывалось триста восемь штук, причем сто пятьдесят семь из них совпадали с именами других богов, и различать их приходилось исключительно по контексту. К примеру, если незадачливый богослов путал, кому принадлежит титул «Венец Цветов» — богу жизни и радости или богу страсти, — могла выйти пренеприятная история. В анналах запросто могло появиться жизнеописание о забеременевшем мужском божестве и последовавшей за этим божественной войне из-за аборта, что, мягко говоря, не способствовало укреплению авторитета церкви.

Именно поэтому возникла нужда в профессиональных теологах. Сразу после окончания Войны Богов Конца Эпохи враждебность между уцелевшими культами была столь велика, что священные тексты считались строжайшей тайной. Никто не хотел показывать свои архивы конкурентам, опасаясь, что свертка данных неизбежно приведет к новой резне.

Однако всем хотелось знать, кто в итоге остался победителем и чьи догматы имеют больше прав на привлечение паствы. Так при Университете Белой Башни возник Теологический факультет. Группа ученых-богословов, связанных Договором душ для обеспечения абсолютной беспристрастности, получила доступ к архивам всех конфессий. Раз в десять лет они выпускали самое авторитетное и выверенное «Единое жизнеописание богов».

Пока Нова анализировал крупницы информации, скрытые за вычурными метафорами, в толпе началось волнение. На лицах многих наталинцев отразились тревога и страх. Стена Вздохов, возведенная королем Корентином, оберегала долину Асачи три столетия, преграждая путь имперским карателям, морским чудовищам и диким драконам. Никто не знал, что станет с их народом, когда эта привычная с рождения «неодолимая преграда» окончательно падет.

— Долина наталинцев со всех сторон окружена горами и отделена океаном, у нас есть лишь один вход через Ущелье Возрождения, который легко защитить! Чего вы испугались? — внезапно выкрикнула Ламина, перекрывая ропот. — У нас есть корабли, драконы, баллисты, стрелы и клинки! Если среди вас есть трус, привыкший надеяться лишь на милость предков, пусть убирается в погреб и прячется там вместе с овцами. Племя защитит его, но он больше не будет зваться воином наталинцев!

Люди начали понемногу расходиться. Избранный богом остался на месте, задумчиво глядя на столб, который его драконша едва не выдернула, словно репку с грядки.

— Можете начинать сборы, — не оборачиваясь, спокойно произнес он, услышав за спиной осторожные шаги. — Согласно нашему договору, вскоре я выведу вас из долины Асачи.

— Ты убил человека, — произнес Нова на всеобщем языке.

Собеседник не шелохнулся. Он стоял прямо над тушей убитого дракона; кровь медленно впитывалась в землю, из-за чего тень Азуки казалась злоеще багровой.

— На корабле. Судя по твоей обуви и подолу — как минимум двоих, а может и больше. Ты применил магию, потому что не хотел к ним прикасаться. Ты был в ярости, но это не было убийством в состоянии аффекта. Ты действовал расчетливо, подвергнув их мучительной смерти. Дай-ка угадаю... Переломанные конечности, вспоротые животы? Нет, ты не любишь запах крови. Удушье. — Пепельные глаза профессора, подобные двум прозрачным стеклянным сферам, странно преломили и отразили силуэт собеседника. — Зачем? Кому ты мстил?

— ...Вы действительно хотите это знать?

«Мой вечный противник, неужели ты и впрямь готов познать всю истину?»

Азука грациозно повернул голову, открывая лишь часть лица, но даже этого было достаточно, чтобы пробудить в любом существе первобытный трепет и благоговейный ужас. В его синем глазу не осталось и следа прежней мягкости — в нём застыло невероятно глубокое, ледяное величие.

— Может говорить, а можешь и промолчать. Если пожелаешь, я готов на время стать твоим слушателем. — Впрочем, Нову этот взгляд ничуть не пронял. Сначала он проявил толику дежурного дружелюбия, а затем, с присущей ему неосознанной дерзостью, добавил: — А если не хочешь — тоже не беда. Для меня в этом мире нет тайн. Есть лишь загадки, которые я пока

не решил из-за недостатка улик.

Он на мгновение замолчал, а затем на его губах заиграла медленная улыбка.

— Кажется, вы становитесь всё смелее и смелее в моем присутствии?

А ведь в самом начале этот человек чинно приветствовал его: «Доброе утро, милорд». А теперь, словно черпая в нём самое странное чувство безопасности, этот наглец, не знающий границ, начал бесцеремонно использовать его как средство от скуки.

Он вел себя словно неразумное дитя, которое, игнорируя все условности взрослого мира, без оглядки несется к чужим границам. Наверное, только почувствовав настоящую боль, он снова заставит себя сжаться в комок.

Избранный богом внезапно протянул руку и сжал пальцы на шее профессора — тот инстинктивно дернулся, пытаясь высвободиться, но юноша лишь крепче перехватил его загравок, словно унимал капризного кота.

— Холодно. Отпусти, — Нова недовольно нахмурился.

Пальцы Азуки почему-то были ледяными, как у мертвеца, словно он всю ночь простоял на пронизывающем ветру.

— Да, очень холодно, — тихо отозвался он, невольно проведя подушечками пальцев по мягкой, нежной и слегка горячей коже.

...Это было приятно. Чистое, подлинное человеческое тепло. Казалось, пустота и стужа, разверзшиеся в самой глубине его груди под покровом ночи, на мгновение заполнились этим теплом.

В каком-то смысле, он был здесь не один.

Профессор, чувствуя себя глубоко оскорбленным подобной фамильярностью, слегка прищурился. Прекрасно осознавая свои боевые возможности, он не стал тратить силы на бесполезную борьбу, решив вместо этого проучить наглеца словом.

— Как думаете, откуда во мне берется эта уверенность? — вкрадчиво спросил он. — Неужели вы полагаете, что это лишь самонадеянность и глупость заурядного человека, возомнившего о себе невесть что?

— Возможно, причина в моей чрезмерной снисходительности к вам?

Нова сохранил бесстрастное выражение лица:

— ...Избавьте меня от этого, меня сейчас стошнит.

— Я не хочу враждовать с вами, — он чуть замедлил темп речи, делая голос тише. — Но прежде чем мы приступим к обсуждению планов по модернизации обороны, скажите: действительно ли я нашел частоту звуковых волн, привлекающую драконов? Не заложил ли я во время топографической съемки в каком-нибудь укромном уголке долины Асачи передающее устройство?

Рука на его загривке на миг дрогнула. В следующую секунду пальцы Избранного богом сжались сильнее, принося боль и ощущение удушья, но черноволосый юноша лишь мимолетно улыбнулся:

— Не говорите мне, что такая мысль никогда не посещала вашу голову. Иначе я буду разочарован в вас, Избранный богом Азука, духовный лидер наталинцев.

— Опробуйте-ка вот это. — Нова с невозмутимым видом выудил из кармана маленький, грубоватый свисток и поднес его к губам собеседника.

После недолгого молчания Азука наконец разжал пальцы, взял вещицу и тихонько дунул. Они не услышали ни звука, однако Айзелла, до того лениво чистившая перья, внезапно вскинула голову и широко раскрыла глаза, с любопытством и настороженностью уставившись на своего хозяина.

Профессор щедро пояснил:

— Ультразвуковой свисток. Люди его не слышат, зато многие животные — вполне. Дарю.

— Премного благодарен за вашу щедрость.

— Не за что, — отмахнулся Нова, проигнорировав его сарказм (а может, и вовсе его не заметив). — Мой разум — это единственное, на что я опираюсь. Я пока не знаю, как именно вы планируете меня использовать, но то, как я буду использовать свой мозг, во многом зависит от вашего отношения.

— Дружеский совет: общаясь со мной, лучше задействуйте собственное мышление. Постоянно думайте, а не пытайтесь кормить меня теми же бреднями, что скармливаете остальным. — Его оппонент предостерегал почти ласково: — Я не стану повторять в третий раз: если хотите пользоваться моими знаниями, забудьте об этом неэффективном способе коммуникации. Иначе мне придется общаться с вами по-своему — поверьте, вам это не понравится.

— Что же касается нынешней ситуации, — он изобразил мимолетную фальшивую улыбку, —

считайте это маленьким предупреждением в ответ на вашу грубость. А уж сделал я в долине какую-нибудь пакость или нет — гадайте сами.

Избранный богом молчал некоторое время, а затем внезапно издал негромкий смешок.

— Лжец.

— Перестаньте угрожать мне благополучием наталинцев, профессор. Это опасно. Я только что едва не свернул вам шею. — Он вернулся к своему обычному спокойствию и быстро потер загибок Новы, прежде чем убрать руку.

«Черт возьми, что за дурацкие привычки у этого парня? — сурово подумал Нова. — Патологическая жажда тактильного контакта на почве одержимости контролем?»

— Хорошо, я запомнил.

Видя, что прогресс налицо, господин профессор проявил великодушие и не стал развивать спор, лишь одобрительно кивнув:

— Вот и ладно. Хватит переводить тему и нести околесицу.

Пусть все любители загадок катятся к черту из его мира.

<http://bllate.org/book/15312/1354368>